

Виктора Астафьева называют писателем «деревенским», «охотничьим», «экологом». Злободневная глобальная проблема «человек—природа» неизменно присутствует на страницах его произведений — повестей «Кража» и «Перевал», цикла рассказов «Последний поклон», «Пастух и пастушка» (эти четыре работы удостоены Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького), размышлений «Затеси» и «Зричий посох», повествования в рассказах «Царь-рыба», за которую автор удостоен Государственной премии СССР. На днях Виктору Петровичу исполняется 60 лет. В канун юбилея он дал интервью «Неделе».

— Чтобы условиться с вами об интервью, я звонил в Вологду, беседовали мы в Красноярске и в Овсянке, вашем родном селе, завершаем разговор в Москве. У вас, судя по всему, не пропадает «охота к перемене мест»?

Виктор АСТАФЬЕВ:

— Пожалуй, это одно из моих давних свойств. В 1945 году после госпиталя я женился и поехал с женой в ее город Чусовой Пермской области. «Очусовел» на 18 лет; в Чусовом прошла молодость, выросли дети, начал писать. Сюда же вернулся после учебы на Высших литературных курсах. Затем переехал в Пермь, но от огромного города как-то быстро устал. Выбрал Вологду — еще и потому, что учился вместе с вологжанками: Сергеем Вязуловым, Василием Беловым, Александром Романовым, Ольгой Фокиной... Много пожил в Вологде, где серьезно и уважительно относятся к литературе. Доверие, деликатность, внимание и настоящую заботу проявляют о нас, пишущих, вологодцы. Именно заботу, а не мелочную опеку. Терпимость. Думаю, благодаря и этому сохранено светлое имя поэта Николая Рубцова, истинно по народному празднуют Дни поэзии Александра Яшина, Сергея Орлова — также знаменитых вологодцев... Но все три десятилетия, что я прожил на Урале и Вологодчине, меня тянуло в родные красноярские места. Вернувшись, обрел успокоение, как если бы явился домой из длительной командировки, — ощущение это счастье.

Я сильно эксплуатировал свою память, когда писал о Сибири, а жил вдалеке от нее. Записей не веду, дневников не имею, все — по памяти, вплоть до поговорок и пословиц, даже интонации, которая везде иная. Когда задумал роман о войне — серьезную работу не на год, то посчитал, что надо находиться в той языковой стихии, от которой буду отталкиваться, среди тех людей, о ком намерен говорить. Надеюсь, Сибирь подарит мне новые, может, и неожиданные темы: неисповедимы пути литературные.

— Как произошел в вашей жизни выбор писательской профессии?

— То не был какой-нибудь «звездный час», а простая закономерность. Склоняюсь к мысли, что литераторами, как и музыкантами, все-таки рождаются. Писать я начал поздно, в 28 лет. Но способность к сочинительству обнаружилась в четыре-пять лет. За это бабушка, Катерина Петровна, звала меня «хлопушей», что по-сибирски означает «вреша». Признаюсь: настоящий спектакль происходил всякий раз, когда я классически врал, хотя вместо аллодисментов звучал рев — мне просто-напросто устраивали трепку (смеется)... Не было бы войны, я на дюжину лет раньше начал бы писать. И стал бы совершенно иным литератором, может, немного похожим на Пришвина. Люблю собирать корешочки, цветы, читать о любви — романтик! — но война принудила увидеть жестокие вещи. Было бы дано повторить жизнь, я выбрал бы ту же самую, насыщенную событиями, радостями, победами, восторгами, поражениями, горестями утрат, которые помогают обостренней видеть мир и глубже чувствовать доброту.

— Но если не писателем, кем бы вы хотели быть?

— Крестьянином. Пахал бы и сеял, как мой дед. Крестьянская жизнь дает чувство особеннейшей радости, ни с чем не сравнимого удовлетворения. Писательство — работа редкая, далекая от обыденных профессий, потому, быть может, оваянная неким таинственным ореолом.

— Говорят, многим пишущим труднее всего даются заголовки и первые абзацы. Как вы это преодолеваете?

— Названия находят по-разному. Иногда сразу — как «Царь-рыба», когда еще не было самой книги. Немного измучился, прежде чем придумал «Пастуха и

«ВО ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ОСТАВАТЬСЯ СОВОЙ»

пастушку» (хотя в ряде журналов и издательств мне советовали изменить это название, а то, дескать, будет восприниматься как «сельскохозяйственное» произведение; я все-таки устоял). До сих пор нравится рассказ «На далекой северной вершине», сам ходил на уральские альпийские луга, а заголовок не устраивает, и ничего лучше пока найти не могу... Чтобы «стартовать», мне необходим звуковой толчок. Люблю начинать писать с буквы «и». Помните, Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского: как будто вокруг звучала незаписанная музыка, а композитор уловил продолжение музыкальной фразы и продолжил. Так и в прозе; важен первый такт. «И» — звучит протяжно и ненавязчиво. Я вытягиваю начало из внутреннего созвучия, или распева: «И брела она по дикому полю, непаханому, нехоженному, косы не знавшему». А, например, «Кражу» надо было начать резко: «Ночью умер Гошка Воробьев». У хорошей музыки, повторяю, можно научиться искусству построения фразы, сюжета, организации словесно-звукового материала. В этом смысле мне многое дал Концерт для фортепиано с оркестром Грига. Я все время считаю то, что Бунин определял «звуком», то есть тональностью сочинения, — одним из его фундаментов.

— Какое время года ваше лучшее — в творческом смысле?

— Осень. А точнее, октябрь и ноябрь. Снег мокрый, и не очень тянет выйти прогуляться. Сидишь и пишешь, больше ничего не остается делать.

— А чем вы пишете?

— Простой ручкой. Макаю в чернильницу. На мой взгляд, творчество «рождается», когда касаешься бумаги. Пользовался раньше деревянными, ученическими ручками и сгрызал их за день до половины. Однажды сына попросили рассказать

в школе, как работает папа. Он чистосердечно ответил: «Ничего не пишет, все ручки грызет».

— Что это, по-вашему, такое — быть знаменитым человеком?

— На этот вопрос лучше могут ответить кино- или хоккейные «звезды». Говорят, один драматург знаменит тем, что голову бреет, другой — что в Союз писателей не вступает... Среди литераторов истинно знаменит, по-моему, тот, кого народ сам отыскал в гуще изданной литературы. Чье слово людям жить помогает... Отношусь к своей работе, как мой дед к пиленю дров, строительству дома, содержанию семьи. Это избавляет от конекства. Есть у меня еще один испытанный метод собственного укрощения: гляжу на полки своей библиотеки. Там стоят книги Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, Лескова — взгляну на них, и этого вполне достаточно, чтобы вести себя скромнее, спокойнее... В Ясной Поляне ходил по дорожкам пустынного парка, и все время будто в спину мне смотрели его зоркие глаза. Подумал тогда: «Есть ли у меня и моих друзей право на то, чтобы оторвать хоть одного читателя от книг Льва Николаевича?»

— Как вы воспринимаете литературу в качестве читателя?

— Обычно круг чтения у пишущего человека ограничен: просмотр периодики, читательских писем, рукописей коллег. Первое, что я услышал в жизни, что нам читали вслух в сельской школе, был «Кавказский пленник» Льва Толстого, второе — «Дед Архип и Ленка» Горького. Эти вещи я с тех пор не перечитывал и перечитывать не буду, потому что есть ощущения, с которыми нельзя расставаться, которые надо сохранить как драгоценный подарок. Завидую всем, кто еще прочитает повести Евгения Носова «Увятские шлемоносцы» и Вячеслава Кондратьева «Сашка». С таким же

ощущением открытия, просветления я читал «Сто лет одиночества» Маркеса, настоящий роман XX века. Жанр сочинения определен автором с большой ответственностью, а то нередко «романом» обозначают всякую толстую книгу, если же средней толщины — «повесть», а сочинение еще потоньше — «рассказ».

— Что вам больше всего нравится и что неприятно в поведении окружающих людей?

— Притягивают добро, любовь, мужество. Порядочность, чувство обязательности. Способность во всех обстоятельствах оставаться самим собой. Мгновенно отталкивает ложь.

— Вспоминаю посвященную вам эпиграмму: «Царь-рыбу он воспел во всей красе, воздав ей полной мерой: писателем довольны все, за исключением браконьеров». Не сгущаете ли вы краски для более сильного воздействия на читателей?

— К сожалению, нет. Многим кажется, что лишь вокруг больших городов не щадят лесов и рек, а уж в сибирской тайге и тундре — первозданный покой и порядок. Но современная жизнь разворачивается и там вовсю. И напористое зло под покровом тишины нередко берет верх над добром. С болью вижу следы пребывания «отдыхающих», после отъезда которых природа ранена, болеет. Что тут предложить? Думаю, нужно вести в школах и вузах специальные занятия по помощи и восстановлению природы. Только большими силами и средствами можно ощутимо помочь окружающей нас, пока еще цветущей земле.

— Как и где любите отдыхать?

— Всегда в лесу, в деревне. Южные края и курорты не для меня. Переключиться помогает телевизор: «Клуб путешественников», «В мире животных», «Очевидное—невероятное», музыкальные передачи.

— Насколько известно, вы любитель футбола и хоккея. Любимые команды — одни и те же или меняются в связи с переездами?

— В хоккее я болею за Александра Мальцева, который, говорят, на днях собирается сыграть свой, к сожалению, последний матч. В футболе — за столичных заводцев. И, по старой привычке, поскольку в свое время был составителем поездов, краем глаза слежу за московским «Локомотивом», который никак не разгонится, чтобы вернуться в высшую лигу.

— Иные ваши читатели говорят, что у вас слишком много диалектизмов...

— Но это естественная потребность говорить так, как я разговариваю, а не иначе. Так называемые «диалектизмы» — мое существо, а не то, что кажется кому-то, будто у их специально записывал, а потом рассовывал в тексты... Однажды получил письмо от земляка, которое заканчивалось так: «Пиши, как писал, мы в Сибири все понимаем». И приписка: «Не сдавайся».

— Что приятнее, творческий процесс или когда произведение завершено?

— По-разному. Но каждый раз испытываешь чувство первосотворения. «Пастуха и пастушку» я много лет рассказывал целиком от начала и до конца. Помнил фразы, которые так и остались в этой вещи: «Такое легкое ранение, а он умер...», «Почему ты лежишь один посреди России?». Они жили во мне, определяя тональность повести. Друзья говорили: садись пиши, ведь тебе только записывать надо! А у меня на это ушло четырнадцать лет, на «Последний поклон» — все двадцать... А когда я принялся за «Царь-рыбу», у меня о ней не было четкого представления, просто водил рукой, и все. Очень быстро пишу только черновики. Доставляет ни с чем не сравнимую радость заменять слова и в первой, и во второй, и в третьей редакциях. Поэтому боюсь версток, где не могу много править. По существу только «Кража» осталась неперепищенной. «Пастух и пастушка» переписывались раза четыре. Как это объяснить? Возможно, в это время происходит заполнение тебя самого: годы-то идут.

— Поздравляя вас с юбилеем, интересно: считаете вы себя счастливым?

— Счастлив бываю, когда работаю. Или когда, оглядываясь на прошедший день, вижу, что он прожит с пользой. Придерживаюсь правила, вычитанного в одном из рассказов Тургенева: «Счастье — оно как здоровье, если о нем не говорят, значит, оно есть...» Спасибо за поздравление!

Интервью взял
Гайик КАРАПЕТЯН.
Фото В. Садчикова (ТАСС).